

6. *Наср, Сеййид Хусейн*. Философы ислама: Ибн Сина, ас-Сухраварди, Ибн Араби / Сеййид Хусейн Наср; пер. с англ., предисл. и коммент. Р. Псху. – М.: Языки славянской культуры: ООО «Садра», 2014. – 152 с.

7. *Мартыненко, А. В.* К вопросу о влиянии исламской традиции на вероучение Бахауллы / А. В. Мартыненко // *Minbar Islamic Studies*. – 2018. – № 11(2). – С. 235–244.

8. *Игнатенко, А. А.* Принцип циклизма в средневековой арабо-исламской мысли / А. А. Игнатенко // *Одиссей. Человек в истории*, 1998. – М.: Наука, 1999. – С. 151–161.

9. *Аль-Баргути, А. К.* Человек и общество в философии чистых братьев: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / А. К. Аль-Баргути; Моск. гос. ун-т. – М., 1991. – 17 с.

10. *Туманян, Т. Г.* О теоретическом наследии Абу аль-Хасан аль-Маварди / Т. Г. Туманян // *Вест. С.-Петербург. гос. ун-та*. – 2020. – Т. 3, № 3. – С. 572–581.

11. *Игнатенко, А. А.* Средневековые «поучения владыкам» и проблематика власти / А. А. Игнатенко // *Социально-политические представления в исламе: История и современность: сб. ст. / АН СССР, Ин-т востоковедения*. – М.: Наука, 1987. – С. 34–36.

12. *Мусаелян, Л. А.* О концепции философии истории Ибн Халдуна / Л. А. Мусаелян // *Филос. и общество*. – 2000. – № 3. – С. 133–154.

13. *Игнатенко, А. А.* В поисках счастья: (Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов) / А. А. Игнатенко. – М.: Мысль, 1989. – 254 с.

14. *Григорян, С. Н.* Из истории философии Средней Азии и Ирана (VII–XII вв.) / С. Н. Григорян. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 330 с.

15. *Бируни, А. Р.* Избранные произведения: в 8 кн.: в 7 т. / А. Р. Бируни; пер. и прим. М. А. Салье. – Ташкент: Изд-во Акад. наук Узбекской ССР, 1957. – Т. 1: Памятники минувших поколений. – 531 с.

16. *Маджиров, Д.* Натурфилософия Абу Рейхана Бируни: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Д. Маджиров; Таджик гос. пед. ун-т. – Душанбе, 2015. – 26 с.

17. *Морончик, С. Б.* Омар Хайям – поэт, мыслитель, ученый / С. Б. Морончик, Б. А. Розенфельд. – Сталинобад: Таджикгосиздат, 1957. – 210 с.

(Дата подачи: 10.01.2022 г.)

Чжан Юйлин

Белорусский государственный университет, Минск

Zhang Yulin

Belarusian State University, Minsk

УДК 327

ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КНР О РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

GENESIS OF THE PRC'S CONCEPTS OF REGIONAL SECURITY

В статье раскрывается негативная реакция на защиту суверенитета и интересов Китая в Южно-Китайском море. Тем не менее Пекин создает альтернативы – партнерские отношения, институты и принципы в сфере безопасности, которые позволяют усилить интеграцию азиатских стран.

Ключевые слова: региональная безопасность; АСЕАН; КНР; НОАК; новая концепция национальной безопасности; архитектура безопасности; интеллектуальная война.

In the article the negative reaction to the protection of Chinese sovereignty and interests in the South China Sea is revealed. Nonetheless Beijing is creating alternatives – partnerships, institutions and security principles – that enhance the integration of Asian countries.

Keywords: regional security; ASEAN; PRC; PLA; a new concept of national security; security architecture; intellectual war.

Китай представляет собой уникальный набор вызовов и возможностей для глобального управления, экономического развития, а также безопасности и стабильности, которые влияют на международное сообщество.

С 2013 г. Китай четко призывает к созданию новой архитектуры безопасности в Азии. Институциональная активность Китая развивалась параллельно с сильной концептуальной активностью, которая проясняет объявленную новую региональную архитектуру безопасности. Вскоре после своего прихода к власти Си Цзиньпин обнародовал свою концепцию безопасности «Азия для азиатов» («Азиатское сообщество общей судьбы»), в которой выступал за создание «новой концепции безопасности», которая могла бы стать концепцией ориентира за пределами региона и должна быть, согласно официальному коммюнике, «общей, интегрированной, совместной и устойчивой концепцией безопасности» [25].

Китай недоволен текущей архитектурой управления безопасностью и при Си Цзиньпине заявил о политической решимости реструктурировать ее в постсоюзном направлении. Он стремится сделать это шаг за шагом в ближайшие десятилетия с помощью в первую очередь стран, которые не являются частью системы альянсов под руководством США, но также и союзников и партнеров США в области безопасности, которые могут присоединиться к неофициальному «кругу друзей» Китая. Для достижения этой цели Китай стремится оспорить «сетевую мощь» США, которая позволила Америке стать лидером в Азиатско-Тихоокеанском регионе [22].

Цель Китая заключается в том, чтобы создать новую систему региональной безопасности (исключительно азиатскую), свободную от альянсов, в большей степени ориентированную на проблемы внутренней безопасности, основанную на китайской экономической мощи. Эти цели не новы, но при Си Цзиньпине Китай более активно сосредоточился на том, как реализовать и институционализировать свое видение.

Китай является активным сторонником новой концепции безопасности. В 1996 г. в свете тенденций времени и особенностей Азиатско-Тихоокеанского региона он выдвинул инициативу о том, чтобы страны региона совместно развивали новую концепцию безопасности, которая направлена на укрепление доверия посредством диалога и укрепление безопасности посредством сотрудничества [26]. По мнению Китая, ядро такой новой концепции безопасности должно включать взаимное доверие, взаимную

выгоду, равенство и координацию. Новая концепция безопасности, по сути, состоит в том, чтобы подняться над односторонней безопасностью и добиваться общей безопасности на основе взаимовыгодного сотрудничества. Это концепция, созданная на основе общих интересов и способствующая социальному прогрессу [24].

На современном этапе Китай инвестирует в существующие региональные институты и механизмы безопасности, на которые он имеет или мог бы оказать значительное влияние, и наводит мосты между ними. К таким институтам относятся Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) [16], Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), встречи в рамках АСЕАН (АРФ, АДММ+ и др.) [19; 23]. Китай также рассматривает возможность создания некоторых региональных форумов по безопасности (таких как Сяншаньский форум) как неотъемлемые части сети региональной безопасности, а также все многосторонние форумы, семинары и практикумы, которые Китай организует по вопросам, связанным с безопасностью.

Китайская реструктуризация управления региональной безопасностью носит гибкий характер и не требует создания нового официального института региональной безопасности как такового. Это институциональный процесс «наведения мостов», а не процесс создания. Институциональный процесс наведения мостов активно продвигается Китаем посредством значительных финансовых взносов (в СВМДА и ШОС, среди прочих институтов), более тесного сотрудничества между секретариатами заинтересованных институтов, а также активного формирования повестки дня, которая поощряет согласование многосторонних повесток дня с приоритетами Китая, насколько это возможно.

В этой связи в июле 2019 г. Народно-освободительная армия Китая (НОАК) объявила о формулировке «Военно-стратегического ориентира новой эры» для адаптации к изменениям в форме войны. НОАК активизировала усилия по укреплению своего военного потенциала за счет внедрения передовых технологий. В речи, произнесенной на 19-м Национальном конгрессе Коммунистической партии Китая (КПК), состоявшемся в октябре 2017 г., председатель Си Цзиньпин (генеральный госсекретарь) поставил долгосрочную цель превратить НОАК в «силы мирового уровня» к середине XXI в. [27]. «Силы мирового уровня» предполагают превращение в военную силу, соизмеримую с силами Соединенных Штатов. Укрепление военного потенциала, основанного на науке и технологиях, будет иметь ключевое значение для сокращения военного отставания НОАК от сил США. Си Цзиньпин излагает «укрепление вооруженных сил посредством научно-технического прогресса» в качестве одной из его стратегий создания НОАК. На этом фоне в Белой книге национальной обороны «Национальная оборона Китая в новую эру», опубликованной в июле 2019 г., НОАК выразила следующую точку зрения: «Движимая новым этапом технологических и промышленных революций, применение пере-

довых технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ), квантовая информация, большие данные, облачные вычисления и Интернет вещей (IoT), набирают обороты в военное поле». НОАК считает, что военное использование таких передовых технологий имеет решающее значение и является ключом к судьбе будущих войн, и постепенное принятие новой тенденции военной революции может позволить НОАК «обогнать на повороте» [16].

Стремление НОАК использовать научно-технические достижения в военных целях проявляется в реструктуризации ее военной стратегии и развитии военного потенциала в новых областях безопасности. Что касается господствующей формы ведения войны, НОАК указала в отчете 2019 г., что «война по форме эволюционирует в направлении информационной войны и интеллектуальной войны не за горами» [16]. Интеллектуальная война описывается как «комплексная война, ведущаяся на суше, на море, в воздухе, в космосе, в электромагнитных, кибернетических и когнитивных областях с использованием интеллектуального оружия и оборудования и связанных с ними операций и методов, подкрепленных информационной системой IoT» (таблица).

Таблица

Изменения в военной стратегии КНР

Лидер	Наука, технологии и оружие НОАК	Военная стратегия, которая была принята (кроме активной защиты, которая была принята повсеместно)
Мао Цзэдун	Атомная бомба, водородная бомба	Народная война (в то время как ее содержание изменилось, сам термин сохранился в последующие эпохи)
Дэн Сяопин	Перспективное обычное вооружение	Локальные войны в современных условиях
Цзян Земин	Высокие технологии, высокотехнологичное оружие	Локальные войны в высокотехнологичных условиях
Ху Цзиньтао	Информация и оружие, действующие на основе информационных технологий	Локальные войны в условиях информатизации
Си Цзиньпин	Информация, разведка и оружие на их основе	Информатизированная война (переход к интеллектуализированной войне)

Примечание. Источник: разработка автора на основе [16].

Следовательно, НОАК находится в самом начале создания вооруженных сил для того, что Китай называет «новой вехой эпохи», чтобы победить в этой интеллектуальной войне.

Китай рассматривает экономический обмен и взаимодействие как важный путь к прочной безопасности на прилегающих к нему территориях. Как активный участник регионального экономического сотрудничества

различных видов Китай тесно сотрудничает с другими странами региона для многоканального, многомерного и многогранного нового экономического сотрудничества в этой части мира. Развитие регионального экономического сотрудничества, осуществляемого в формате 10 + 3 в Восточной Азии, не только принесло реальные и ощутимые экономические выгоды заинтересованным странам, но и расширило взаимный обмен, взаимное доверие и сотрудничество между всеми вовлеченными сторонами и в результате вклад в безопасность и стабильность в регионе.

Также Китай уже давно работает над созданием и развитием механизма регионального диалога и сотрудничества в области безопасности. КНР считает, что ключевой гарантией безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона является система региональной безопасности, основанная на диалоге, а не на конфронтации. С этой целью страна придает большое значение ШОС и Региональному форуму АСЕАН (АРФ) и принимает активное участие в их работе.

ШОС – это успешный пример новой концепции безопасности. В свете растущих угроз безопасности, особенно международного терроризма, активизации экстремистских организаций, роста числа транснациональных преступных структур, производства и оборота наркотиков ШОС сделала сотрудничество в области региональной безопасности одним из главных приоритетов [16].

Изначально ШОС задумывалась как многогранная структура, в основе которой лежат три уровня сотрудничества: 1) в политике и безопасности, 2) торгово-экономической деятельности и 3) развитии культурно-гуманитарных связей. ШОС ставит конечной целью развитие и процветание народов, проживающих на ее территории.

ШОС продолжает постепенно развиваться – прежде всего как организация партнерского типа, основанная на схожих подходах государств-членов к развитию такого партнерства.

Отношения АСЕАН с Китаем тесно связаны с экспоненциальным ростом значения последнего в мире за последние 30 лет. Первое официальное взаимодействие Китая с блоком состоялось в 1991 г., а пять лет спустя ему был предоставлен полный статус партнера по диалогу [23]. Экономическое и торговое сотрудничество между Китаем и АСЕАН шаг за шагом развивается во все более тесных отношениях в сфере безопасности. Отношения между Китаем и АСЕАН были повышены до стратегического партнерства уже в 2003 г., раньше, чем с другими партнерами. С тех пор Китай начал множество совместных проектов по трем отраслевым направлениям АСЕАН [23].

В целом подход Китая к региональному управлению, похоже, определяется готовностью нынешнего руководства бросить вызов архитектуре безопасности в регионе, возглавляемой США. Но план Китая состоит не в том, чтобы заменить американскую систему альянсов своей собственной, а в том, чтобы создать другой тип партнерства в сфере безопасности,

который был бы более гибким и соответствовал его собственным интересам [19].

Продолжая прежние призывы к укреплению своего влияния, Китай настаивал на Всестороннем стратегическом партнерстве между АСЕАН и Китаем (АС-CSP) с наступлением 30-летия диалоговых отношений между АСЕАН и Китаем в 2021 г. [12, с. 225]. Это было встречено вежливым сдержанным ответом со стороны блока, как видно из Заявления Председателя 23-го созыва на Саммите АСЕАН – Китай [9]. На момент обсуждения потенциального взаимодействия АС-CSP рассматривался запрос Австралии на повышение уровня своих отношений до CSP [6].

Хотя Австралия извлекает выгоду из прочных экономических связей с Китаем, подразумевая наличие угрозы со стороны все более экстравертной политики Пекина при Си Цзиньпине, она является важным союзником США. Переломным моментом в стратегической политике Австралии в данном контексте стало начало пандемии COVID-19 в 2020 г., которая усугубила негативную оценку глобальной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе. Наряду с опасениями по поводу способности США сдерживать «китайский авантюризм» и сохранять существующий баланс сил власти Австралии разработали план «Стратегического обновления обороны на 2020 год» [1].

Стратегическое обновление подразумевает изменение оборонной стратегии Австралии в рамках усилий по защите существующего регионального порядка с уделением особого внимания Азиатскому региону, простирающемуся от северо-востока Индийского океана через морскую и материковую части Юго-Восточной Азии до Папуа-Новой Гвинеи и юго-западной части Тихого океана. Чтобы поддержать свои цели по «формированию стратегической среды Австралии», «сдерживанию действий против интересов Австралии» и «ответу надежной военной силой, когда это необходимо», Стратегическое обновление предписывает углубление существующих обязательств Австралии в отношении региональных оборонных партнерств [1]. Этот усиленный уровень безопасности является частью общегосударственных стремлений Австралии обеспечить безопасность в Индо-Тихоокеанском регионе и содействовать сохранению благоприятного баланса сил.

Ключевой столп сотрудничества Китая с АСЕАН, возможно, носит экономический характер. Китай был первой крупной державой, заключившей соглашение о свободной торговле (ССТ) с АСЕАН [5], и в результате торговля и инвестиции между обеими сторонами быстро выросли. Китай является главным торговым партнером АСЕАН с 2009 г. [10]. В 2020 г. блок превзошел ЕС и стал главным торговым партнером Китая. Двусторонняя торговля в 2020 г. оценивалась в 731,9 млрд долл. США, а приток прямых иностранных инвестиций в регион превысил 7,6 млрд долл. США [3]. Благодаря их широкомасштабному сотрудничеству, охватывающему производственные мощности, коммуникационные и научные технологии, транспортное сотрудничество и «умные города», торговые взаимосвязи

КНР – АСЕАН стали ключевым сектором сотрудничества, и обе стороны работают над синергией общих стратегий в Генеральном плане АСЕАН до 2025 г. и китайском проекте «Один пояс, один путь» [4].

Однако их политическое сотрудничество и сотрудничество в области безопасности подвержено меняющейся напряженности. Совместные усилия Пекина по обеспечению безопасности сосредоточены на борьбе с незаконным оборотом наркотиков, транснациональной преступностью и нетрадиционными вопросами безопасности. Что касается оборонной безопасности, Китай участвовал в различных форумах в рамках механизмов под руководством АСЕАН, таких как Встреча министров обороны АСЕАН+, Региональный форум АСЕАН и Восточноазиатский саммит. Однако их политические дискуссии в основном сосредоточены на спорном вопросе территориального суверенитета в Южно-Китайском море. Были инициированы различные меры по урегулированию этих все более напряженных отношений, включая Декларацию о поведении сторон в Южно-Китайском море [20], подписанную в 2002 г., и текущие переговоры по Кодексу поведения, которые ведутся с 2017 г. [19].

Продолжающееся ухудшение китайско-американских отношений спровоцировало широкую обеспокоенность среди государств Азиатского региона, большинство из которых желает сохранить преимущества как существующего международного порядка, поддерживаемого Соединенными Штатами, так и взаимодействия с Китаем. Однако, как подчеркивает Дрю Томпсон в своей статье «Разъединение США и Китая и его последствия для региональной безопасности», ни США, ни Китай не заявляли о своем векторе внешней политики в этом вопросе. Хотя напористая внешняя политика Китая и «растущее влияние» побудили администрацию Д. Трампа заявить, что двусторонние отношения определяются конкуренцией, разделение, очевидно, не является «выполнимым или жизнеспособным» политическим выбором для Вашингтона или Пекина [21, с. 5]. В той мере, в какой американские компании перенесли производство и операции по цепочке поставок из Китая, в значительной степени определило сложность рыночных решений. Новый президент США Дж. Байден, вероятно, будет придерживаться основанного на интересах подхода к разъединению, нацеленного на области, имеющие ключевое значение для национальной безопасности США, сотрудничество останется возможным там, где интересы обеих стран совпадают [21, с. 16].

В статье о «Формирующейся большой стратегии Индии после Галвана» Канти Баджпай подчеркивает, как пограничные столкновения с Китаем в мае 2020 г. вдоль линии фактического контроля (ЛФК) в восточном Ладакхе привели к «почти консенсусному» договору. С другой стороны, Индия должна противостоять мощи Китая. «Внутренняя балансировка» сил Индии потребует быстрого экономического роста, в то время как Китай добился этого в период расцвета экономической открытости и глобализации. Индия пытается расти в период усиления протекционизма и деглобализации.

К. Баджпай утверждает, что индийскую стратегию внешней сбалансированности «провести легче» [8, с. 56].

Основа для «антикитайской коалиции» уже есть: Австралия, Япония, США и ключевые европейские державы относятся к Китаю с осторожностью. И хотя Индия проявляла осторожность в своем подходе к поддерживаемому США японскому видению FOIP, она стала более активно участвовать в «Четырехстороннем диалоге по вопросам безопасности», участниками которого также являются Австралия, Япония и США с 2019 г., когда Нью-Дели согласился на встречу четырех членов на уровне министров. Именно растущее стратегическое сотрудничество с США лежит в основе «усилий Индии по внешнему балансированию» [8, с. 58].

Китайские угрозы и экономическая мощь, а также собственное предпочтение Индией «стратегической автономии» могут замедлить или даже предотвратить создание стратегической коалиции. По словам К. Баджпая, курс американо-китайских отношений при президенте Дж. Байдене будет иметь решающее значение: любое существенное смягчение политики США в отношении Пекина может «осложнить усилия Индии по внешнему балансированию». Тем не менее долгосрочная задача по сокращению разницы в силе с Китаем останется [8, с. 59].

Таким образом, Китай в Азиатско-Тихоокеанском регионе развивает партнерские отношения в сфере региональной безопасности, правоохранительной деятельности, экономики, торговли и развития инфраструктуры, формируя тем самым новую архитектуру отношений в регионе.

Анализ мнения авторитетных политиков и специалистов показал, что хотя экономическая мощь Китая действительно оказала влияние на страны Азии, среди государств Юго-Восточной Азии все еще существует большое недоверие к политике и мотивации действий Китая. Территориальные споры с Китаем вызывают озабоченность у многих стран региона. Что касается вопросов безопасности, то государства – члены АСЕАН не готовы ориентироваться только на Китай как неоспоримого регионального лидера. Для большинства хеджирование политических решений в сфере безопасности остается оптимальной стратегией на данном историческом этапе. Однако, поскольку Китай может захотеть изолировать иных крупных акторов (в первую очередь США) из театра действий в Юго-Восточной Азии, многие хотели бы сильной и постоянной роли Соединенных Штатов в регионе. Что еще более важно, многим государствам приходится решать проблемы с недовольством внутренней общественности действиями Китая, затрагивающими их внутреннюю политику, что усложняет ситуацию.

Список использованных источников

1. 2020 Defence Strategic Update [Electronic resource] // Department of Defence: Publications. – Mode of access: <https://www.defence.gov.au/about/publications/2020-defence-strategic-update>. – Date of access: 11.01.2022.

2. Analysts: Rising Debt Burden Could Make Laos More Reliant of China [Electronic resource] // VOA News. – 08 June 2020. – Mode of access: https://www.voanews.com/a/east-asia-pacific_analysts-rising-debt-burden-could-make-laos-more-reliant-china/6190720.html. – Date of access: 12.01.2022.

3. ASEAN becomes China's largest trading partner in 2020, with 7 % growth [Electronic resource] // Global Times. – 14 January 2021. – Mode of access: <https://www.globaltimes.cn/page/202101/1212785.shtml>. – Date of access: 09.01.2022.

4. ASEAN Becomes China's Largest Trading Partner in H1 [Electronic resource] // The State Council Information Office of The People's Republic of China. – 14 July 2020. – Mode of access: http://english.scio.gov.cn/pressroom/2020-07/14/content_76271598.htm. – Date of access: 09.01.2022.

5. ASEAN looks to Upgrade FTA with China, Japan, South Korea by 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.china-briefing.com/news/asean-looks-to-upgrade-fta-with-china-japan-south-korea-by-2015>. – Date of access: 11.01.2022.

6. ASEAN Secretariat. Co-Chairs' Summary of the 33rd ASEAN-Australia Forum – Paragraph 38. – March 2021 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://asean.org/wp-content/uploads/33rd-ASEAN-Australia-Forum-Co-Chairs-Summary-FINAL1.pdf>. – Date of access: 09.01.2022.

7. *Young, Ashley*. Singapore's Fears about US-China Relations and Three Wishes [Electronic resource] / Ashley Young // Providence. – 28 August 2020. – Mode of access: <https://providencemag.com/2020/08/singapore-fears-us-china-relations-three-wishes>. – Date of access: 09.01.2022.

8. *Bajpai, K.* India's Emerging Grand Strategy after Galwan: Bridging the Power Gap with China / K. Bajpai // Asia-Pacific Regional Security Assessment 2021: Key Developments and Trends. – IISS, 2021. – P. 54–60.

9. Chairman's Statement of the 23rd ASEAN-China Summit [Electronic resource] // ASEAN Secretariat. – 12 November 2020. – Mode of access: <https://asean.org/wp-content/uploads/47-Final-Chairmans-Statement-of-the-23rd-ASEAN-China-Summit.pdf>. – Date of access: 11.01.2022.

10. China-ASEAN in numbers: Trade ties [Electronic resource] // CGTN. – 11 September 2018. – Mode of access: https://news.cgtn.com/news/3d3d414e3145544d7a457a6333566d54/share_p.html – Date of access: 11.01.2022.

11. Congressional Research Service, US Restrictions on Relations with Burma [Electronic resource]. – Mode of access: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R44570>. – Date of access: 09.01.2022.

12. *Hoang, T. H.* Understanding China's Proposal for an ASEAN-China Community of Common Destiny and ASEAN's Ambivalent Response / T. H. Hoang // Contemporary Southeast Asia. – 2019. – V. 41. – № 2. – P. 223–254.

13. *Jay, Panda*. Indonesia Alarmed at Fishing Suspected Chinese Submarine Drone in Its Waters [Electronic resource] / Jay Panda // May Escalate. – 3 January 2021. – Mode of access: <https://www.republicworld.com/world-news/rest-of-the-world-news/indonesia-alarmed-at-fishing-suspected-chinese-submarine-drone-in-its-waters-may-escalate.html>. – Date of access: 09.01.2022.

14. *Kurlantzick, Joshua*. Vietnam, Under Increasing Pressure from China, Mulls a Shift Into America's Orbit [Electronic resource] / Joshua Kurlantzick // WPR. – 30 January 2020. – Mode of access: <https://www.worldpoliticsreview.com/articles/28502/as-china-vietnam-relations-deteriorate-hanoi-mulls-closer-ties-with-the-u-s>. – Date of access: 09.01.2022.

15. Kuok, L. An Introduction to Asia-Pacific Regional Security [Electronic resource] / L. Kuok, T. Hunley // IISS. – June 2021. – Mode of access: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2021/06/rsa-2021-introduction>. – Date of access: 12.01.2022.
16. NIDS China Security Report 2021: China's Military Strategy in the New Era [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nids.mod.go.jp/publication/chinareport/pdf/china_report_EN_web_2021_A01.pdf. – Date of access: 14.01.2022.
17. Overview of ASEAN-China Dialogue Relations. ASEAN Secretariat Information Paper [Electronic resource] // ASEAN Secretariat. – April 2020. – Mode of access: <https://asean.org/storage/2012/05/Overview-of-ASEAN-China-Relations-22-Apr-2020-00000002.pdf>. – Date of access: 08.01.2022.
18. Overview of Dialogue Relations of ASEAN with the Abovementioned Countries: ASEAN Secretariat Information Papers [Electronic resource] // ASEAN Secretariat. – 2021. – Mode of access: <https://asean.org/asean/external-relations/>. – Date of access: 08.01.2022.
19. Storey, I. Assessing the ASEAN-China Framework for the Code of Conduct for the South China Sea [Electronic resource] / I. Storey // ISEAS_Perspective. – 2017. – № 62. – Mode of access: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2017_62.pdf. – Date of access: 10.01.2022.
20. The Code of Conduct of the Parties in the South China Sea: a Tremendous Mistake [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.asie21.com/2017/08/17/the-code-of-conduct-of-the-parties-in-the-south-china-sea-a-tremendous-mistake/>. – Date of access: 10.01.2022.
21. Tomson, D. US-China Decoupling and its Regional Security Implications / D. Tomson // Asia-Pacific Regional Security Assessment. – IISS, 2021. – PP. 3–19.
22. Victor, D. Cha. Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia / D. Victor Cha. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. – 352 p.
23. 中国东盟关系 (Отношения Китая и АСЕАН) [Электронный ресурс] // Асеано-китайский центр. – Режим доступа: http://www.asean-china-center.org/2019-05/28/c_13356849.htm. – Дата доступа: 13.01.2022.
24. 《中国的亚太安全合作政策》白皮书 (Документ «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе») [Электронный ресурс] // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. – Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/ztk/dtzt/36048/35875/35989/Document/1539229/1539229.htm> – Дата доступа: 13.02.2022.
25. 习近平在亚洲相互协作与信任措施会议第四次峰会上的讲话 (全文) (Выступление Си Цзиньпина на 4-м Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (полная речь)) [Электронный ресурс] // Агентство «Синьхуа». – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-05/21/c_1110796357.htm – Дата доступа: 11.02.2022.
26. 中国关于安全观的立场文件 (Документ с изложением позиции Китая по новой концепции безопасности) [Электронный ресурс] // МИД КНР. – Режим доступа: <https://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/ziliao/tytj/t4549.htm> – Дата доступа: 15.02.2022.
27. 习近平强调坚持走中国特色强军之路, 全面推进国防和军队现代化 (Си Цзиньпин подчеркивает приверженность пути сильной армии с китайской спецификой и всесторонней модернизацией национальной обороны и армии) [Электронный ресурс] // Агентство «Синьхуа». – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/19cpcnc/2017-10/18/c_1121820910.htm – Дата доступа: 11.02.2022.

(Дата подачи: 24.02.2022 г.)